

Российские жалобы в Европейском Суде - практика по неприемлемым делам

Г. Диков, сотрудник Секретариата Европейского Суда по правам человека

За более чем десять лет, прошедших с момента выступления в силу Европейской Конвенции по Правам Человека (5 мая 1998 года) опубликовано много работ о российском сегменте практики Европейского Суда. Однако все, что было написано, в основном основано на открытых источниках - а именно на опубликованных решениях Суда по делам, рассмотренным одной из палат Суда. В то же время такие "палатные" дела обычно составляют около трети от общего количества дел, поступивших в Суд. Подавляющее же количество дел отклоняется на самой начальной стадии комитетом из трех судей (это старая система рассмотрения дел, которая до сих пор действует для России, которая отказывается ратифицировать 14й дополнительный протокол о единоличном рассмотрении подобных дел). Назовем их условно "комитетскими" делами.

Если взять статистику 2008 года в отношении России, то на конец года дожидалось рассмотрения 27242 дела, из которых 23595 были предварительно отнесены к категории "комитетских" дел, т.е. более 86% от общего количества. Впрочем, в этом смысле Россия не уникальна - в большинстве стран основная масса заявлений, поступающих в Суд, отклоняется на самой ранней стадии. Так, для сравнения, для Румынии доля комитетских дел составляет 57 %, для Польши - 63%, для Украины - 72%, для Норвегии - 84%, для Нидерландов - 88%, а для Эстонии - 91%¹.

Так что расхожее мнение о том, что большинство заявителей в Европейском Суде выигрывает у государства - миф. Именно "комитетские" дела (заведомо неприемлемые) составляют основную массу дел, которые рассматривает Суд, и это верно не только в отношении России, но и других стран.

Вместе с тем об этой стороне работы Суда известно очень мало. Тому есть три причины. Во-первых, большинство из этих дел действительно не представляет особенного юридического интереса. Во-вторых, решения по таким делам не публикуются в Интернете, а только сообщаются заявителю письмом - таким образом, доступ к ним затруднен. В третьих, решения по таким делам лапидарны и не содержат подробного анализа причин

---

¹ см. отчет о работе Суда в 2008 году опубликованный в Интернете по адресу <http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/55E4E440-6ADB-4121-9CEB-355E527600BD/0/Analysisofstatistics2008.pdf>

неприемлемости. Поэтому даже если бы решения по комитетским делам публиковались, это бы ничего не изменило.

Оставим в стороне дискуссию о том, насколько такое положение вещей соответствует требованиям Конвенции. Для меня важно лишь то, что эта область остается *terra incognita* для большинства юристов и социологов, изучающих работу Суда.

Кроме того, большинство исследователей, занимающихся Европейским Судом, интересуется сугубо юридическая составляющая его работы, правовые позиции Суда по тому или иному вопросу. Меня же заинтересовала также и социологическая сторона вопроса, которая, насколько мне известно, до сих пор была предметом лишь одного исследования, а именно доклада московского Центра Политических Технологий (в дальнейшем мы будем называть его "доклад ЦПТ").²

Доклад ЦПТ, составленный в середине 2008 года, был основан на опросе сотни заявителей и двадцати экспертов. Собранные мнения очень интересны, демонстрируют мотивацию заявителей при обращении в Суд, а также отношение профессионального сообщества к Суду. Авторами исследования была проведена большая и полезная работа.

Однако в рамках того исследования опрашивались заявители именно по палатным делам. Судя по респондентам, по географии опросов (город Шахты, Нововоронеж), и мнениям, которые высказывались, большинство из этих дел касалось типовых неисполнения судебных решений или надзорного производства (хотя и не только). Эти темы очень типичны для российских дел, но ими практика Суда не исчерпывается. Наконец, сам метод исследования предполагает определенную точку зрения. Я бы сформулировал ее как "Европейский Суд глазами российских заявителей, выигравших дела".

Предлагаемая статья ставит своей задачей изменить точку зрения. Меня интересовало не то, **почему** заявители пошли в Европейский Суд (именно это было главной темой доклада ЦПТ), а то, **с чем** они туда пришли, какие вопросы они подняли в своих жалобах и почему они проиграли в Суде.

При написании этой статьи был использован, во-первых, опыт работы - мой собственный и моих коллег, юристов Секретариата Суда. Автор также отобрал 250 папок подряд из числа дел, которые были признаны неприемлемыми в 2009 году. Меня интересовали основные биографические данные о заявителях (дата рождения, место работы, место жительства), а также суть самой жалобы. Эта информация в принципе открыта для публики, но за пределами Суда, как я уже говорил, в эти папки редко кто заглядывает (заявитель может попросить о конфиденциальности его досье, но это происходит очень редко). В случае групповых или семейных жалоб информация бралась по первому заявителю.

---

² С этим документом можно ознакомиться на интернет-сайте Центра по адресу <http://www.politcom.ru/tables/oec.pdf>

Учитывая, что сами решения о неприемлемости недоступны для публики, излагая статистику комитетских решений, я вынужден дать лишь обобщающий анализ оснований неприемлемости, не вдаваясь в детали.

Хочу обратить внимание читателей на то, что высказанные в статье мнения и оценки являются личным мнением автора и их ни в коей мере нельзя рассматривать как официальную позицию Суда.

Итак, перейдем к сути исследования.

Портрет заявителя

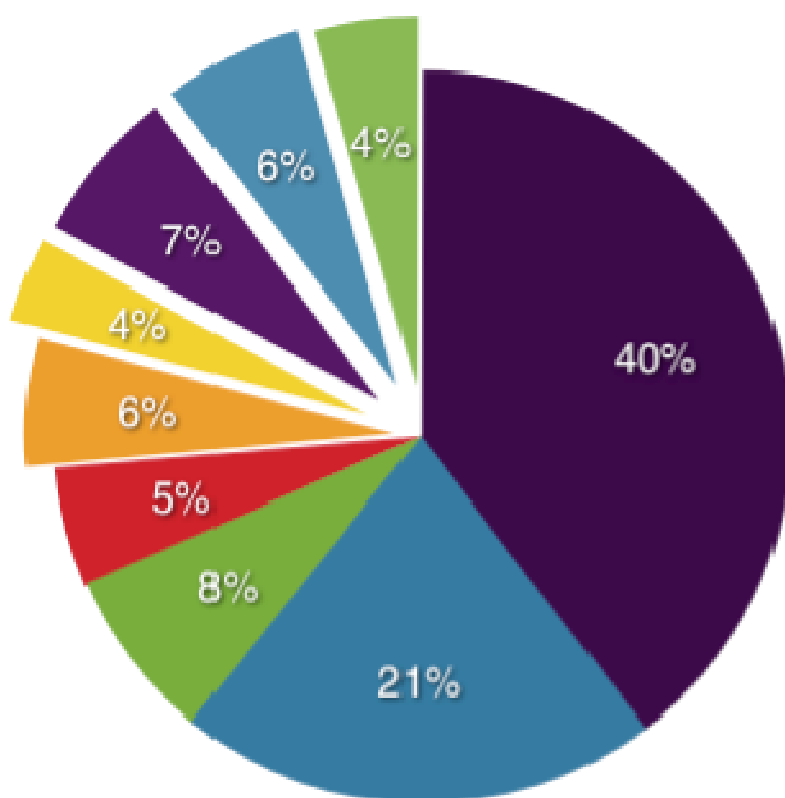

Среди 250 папок только 3 жалобы были поданы юридическими лицами, включая одну от неформального объединения (которое не было зарегистрировано). Остальные жалобы были поданы индивидуальными заявителями, среди которых 152 мужчины и 95 женщин. Может создаться впечатление, что мужчины значительно активнее, но это не совсем так. Из числа "мужских" жалоб большое число подано заключенными (53) или людьми, так или иначе связанными с министерством внутренних дел или обороны (19). Женщин среди таких заявителей очень мало. Т.е. точнее сказать, что Суд рассматривает больше "мужских" проблем, чем "женских".

Что касается занятий заявителей, то сразу бросается в глаза большая доля "социальных иждивенцев" (в это выражение я не вкладываю ничего обидного - я имею ввиду людей не участвующих в производстве, а находящихся на содержании у государства или у своих близких; чаще всего это не их собственный выбор, а обстоятельства). Надо отметить, что биографические данные сообщаемые самими заявителями, не всегда можно определенно истолковать. Так, в качестве места работы некоторые указывали просто "служащий". Тем не менее, из формуляров можно получить некоторое общее представление о роде занятий и социальном статусе большинства заявителей.

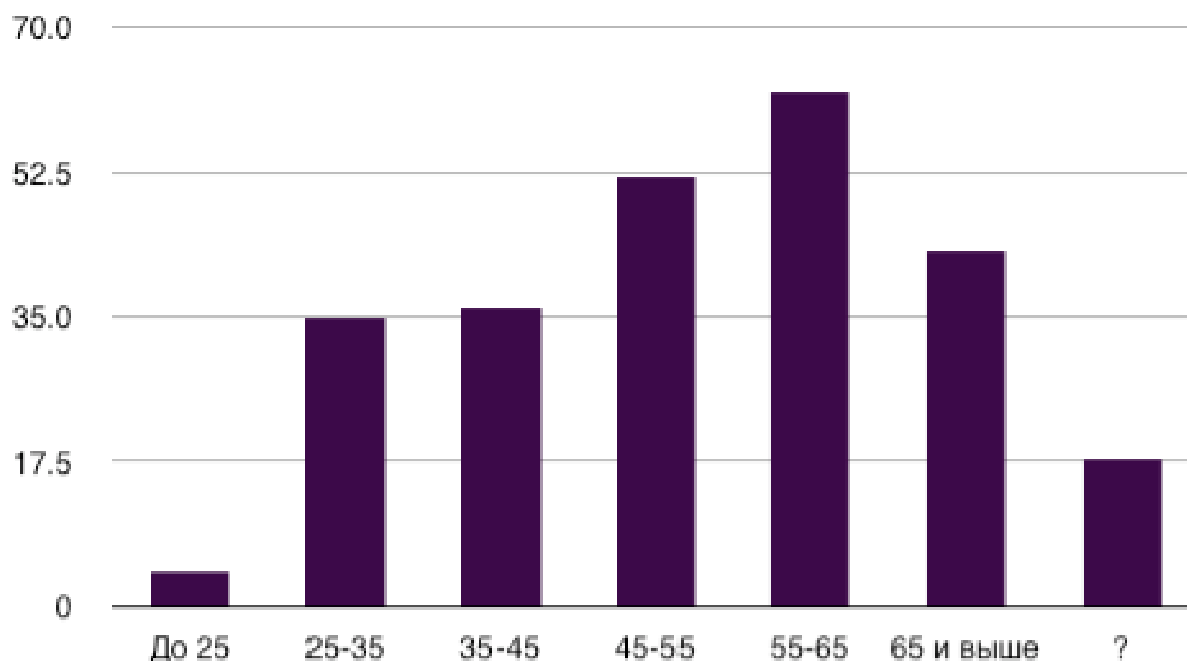
Так, среди 250 заявителей я насчитал 99 пенсионеров (по возрасту или инвалидности, в том числе пенсионеров МО или МВД), 53 заключенных, 19 безработных и домохозяек (-хозяев). Остальных заявителей я разделил условно на несколько групп: госслужащие (в т.ч. военные, милиционеры) - 13 человек, квалифицированные специалисты (в основном "бюджетники" - учителя, врачи, научные сотрудники и т.п.) - 14, служащие частных предприятий (в основном заявители, называющие себя "менеджерами") - 9, наемные работники без высшего образования (рабочие, продавцы) - 17, представители свободных профессий (адвокаты, артисты, инд. предприниматели) - 15. Среди заявителей был также 1 учащийся, и некоторое количество лиц которых трудно отнести к какой-либо категории (например, заявитель пишет о себе, что он "активист-правозащитник"), или которые просто не заполняли соответствующую графу формуляра жалобы.

● Пенсионеры	● Заключенные	● Безработные
● Госслужащие	● Специалисты	● Частные служащие
● Наемные работники	● Свободные профессии	● Другие

Глядя на профессиональный состав заявителей, легко предположить, что их средний возраст достаточно высок. Даже для заключенных-заявителей среднего по стране. Что касается средний возраст составляет 37 лет, что больше всей массы заявителей, то их возраст таков: заявителей моложе 25 лет очень мало - только четверо. Заявителей в возрастной группе от 25 до 35 лет - 35, от 35 до 45 - 36, от 45 до 55 - 52, от 55 до 65 - 62, людей старше 65 лет 43 (много человек забыли указать возраст). Таким образом, можно сказать, что типичный заявитель - это мужчина-пенсионер старше 50 или же заключенный средних лет. Интересно, что авторы доклада ЦПТ подсчитали, что средний возраст "палатного" заявителя тоже достаточно высок - 56 лет. Т.о. картина в этом смысле получается очень похожая.

Диаграмма 2. Возрастные группы

Из 250 заявителей 59 живут в поселке, деревне, в селе или на хуторе (данные по заключенным учитывались по их последнему месту жительства). 81 заявитель живет в небольшом городе. 77 заявителей живут в областном центре, 31 - в Москве или Санкт-Петербурге. Двое заявителей - иностранцы и живут в Израиле и на Украине. Я не стал пытаться выявить "проблемные регионы" (прежде всего потому что критерий "проблемности" очень сомнителен - регионы из которых много жалоб в Страсбург не обязательно будут самыми отсталыми с точки зрения соблюдения прав человека). Могу лишь сказать, что география России в целом представлена очень равномерно, что свидетельствует о том, что о существовании Европейского Суда знают не только в столицах.

В докладе ЦПТ раздел "Портрет заявителя" завершается выводом: "Речь идет в большинстве случаев о бедных россиянах, которые с трудом сводят концы с концами – это, как правило, не «средний класс», а более бедные слои населения." Мне сложно сказать, что в России можно назвать "средним классом", но очевидно, что заявители по комитетским делам имеют небольшой доход, немолоды, живут в провинции, и в большинстве случаев зависят от государственной поддержки.

Участие юристов в подготовке жалоб

В подавляющем количестве комитетских дел заявители не представлены юристами (я не брал в расчет непрофессиональных представителей, так как за редкими исключениями они не помощь, а помеха - и самому заявителю, и Суду). Так, графа “представитель” в формуляре жалобы была заполнена только у 49 заявителей, из которых 11 заключенных. Более того, даже там, где в формуляре жалобы указано имя адвоката, неясно, знает ли об этом упомянутый там адвокат. Насколько я могу судить исходя из качества написания жалобы, реальное число жалоб, написанных адвокатом, еще меньше.

Я упомянул “качество” написания жалобы. Любой юрист согласится, что “качество” - это оценочная категория, тем более применительно к процедурам в рамках Европейской Конвенции. Однако есть вещи, видные невооруженным глазом: в подавляющем большинстве дел, зачастую очень непростых и по фактической, и по правовой составляющей, юрист не присутствовал ни на одной из стадий - ни внутри страны, ни при подготовке жалобы в Страсбург. Сложно сказать, в чем причина - тому ли виной незавидное материальное положение большинства заявителей, о котором мы говорили выше, или же отсутствие культуры обращения к адвокату. Мне представляется, что скорее второе, но это трудно обосновать на материалах моего исследования.

В докладе ЦПТ отмечается, что адвокаты играли важную роль в успехе палатных дел. Возможно, некоторые из этих дел и стали “палатными” благодаря адвокатам. В комитетских делах, как мы видим, наблюдается иная картина.

Типичные жалобы

С чем идут в Европейский Суд российские граждане? Всем, кто интересуется работой Суда, более или менее известен набор тем, рассматриваемых его палатами, и я не буду на этом останавливаться. Что же является основными темами для “комитетских” жалоб? Эти темы не так легко объединить в какие-то однородные группы, но я попробовал, и вот что у меня получилось. При этом я не разделял дела по статьям, на которые ссылаются заявители. Дело в том, что сами заявители часто дают ошибочную правовую квалификацию своей жалобы; кроме того, некоторые статьи Конвенции, в особенности статью 6, нельзя рассматривать как единое целое - например, разница между жалобами на несправедливость судебного разбирательства в уголовном и гражданском процессе очень велика.

Самая большая группа - дела, связанные с уголовным преследованием. Я насчитал 60 жалоб, в которых “центральная” жалоба касалась нарушения справедливости судебного разбирательства в уголовных делах. Очень часто подобные жалобы также были дополнены жалобами на плохие ус-

ловия содержания в ИВС (изолятор временного содержания) и СИЗО (следственный изолятор), на побои и издевательства в милиции, а также на необоснованное применение содержания под стражей в качестве меры пресечения. Т.е. помимо статьи 6 заявители очень часто ссылаются на статьи 3 и 5 Конвенции. Само по себе большое количество таких жалоб не свидетельствует о том, что в реальности все обстоит так, как пишут заявители. Здесь вернее было бы ориентироваться на практику по делам, рассмотренным палатой. Надо отметить, что “чистых” жалоб по статье 3 я насчитал только три (все они касались условий содержания в колониях), а по статье 5 - одну.

Следующей категорией по распространенности являются гражданские споры о собственности или иных имущественных правах - 54 дела. В эту категорию попадают споры между двумя частными лицами (физическими или юридическими, неважно), в которых государство никак не задействовано, разве что через суд, который такой спор разрешает. Естественно, что во всяком судебном процессе есть выигравшая и проигравшая сторона. Проигравшая сторона и обращается в Страсбург с жалобой, что спор разрешен неправильно, обычно ссылаясь на статью 6 (справедливость разбирательства по гражданским делам) и/или статью 1 Протокола №1 к Конвенции (защита собственности). Очень часто такие жалобы дополнены жалобами на длительность судебного разбирательства, и на различные аспекты процедуры. Однако чаще всего эти жалобы сводимы к простому тезису “мое дело рассмотрели неправильно”.

Среди таких частных споров можно выделить несколько подкатегорий: споры о правах на землю - 9 дел, квартирные споры - 20 дел, иные споры - 25 дел (раздел наследства, раздел имущества бывшими супругами, корпоративные споры и т.д.)

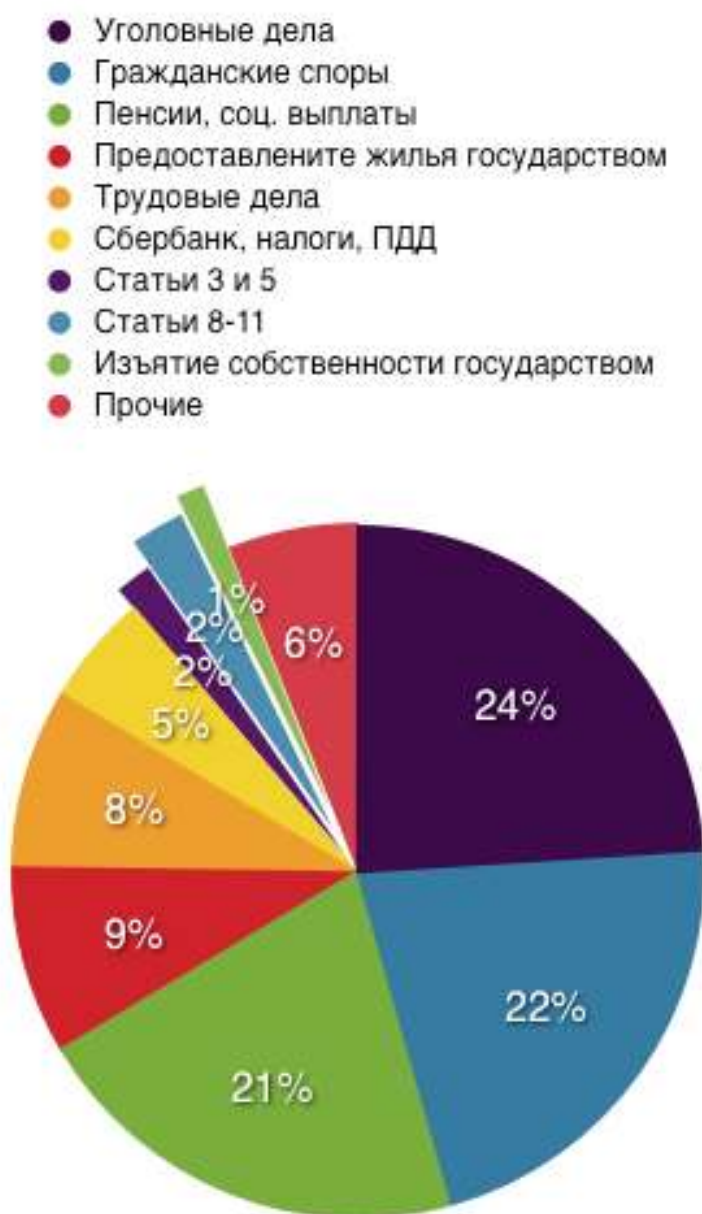
Третья по значимости категория - дела о пенсиях, пособиях и иных социальных выплатах. Таких дел в исследованном мной массиве набралось 52, из них 28 дел связаны с “чернобыльскими” пенсиями, 9 - с пенсиями МО или МВД, 15 - с пенсиями по возрасту или по инвалидности. Заявители чаще всего оспаривают методику расчета пенсии, применение различных коэффициентов, толкование противоречивых норм пенсионного законодательства и т.п. Опять же, самые упоминаемые статьи здесь 6-я и 1-я Протокола №1.

Следом идут две примерно равновесные группы дел. К первой относятся дела о предоставлении жилища на праве собственности (приватизация) или социального найма, в том числе и дела о выселении с расторжением договора социального найма. Таких дел я насчитал 22. Их принципиальное отличие от частных споров состоит в том, что здесь заявители требуют от государства решить их жилищную проблему, а не спорят с частными лицами о том, кому принадлежит квартира или кто должен в ней жить.

В отдельную категорию я также выделяю трудовые дела - таких я насчитал 21. С другой стороны, их можно включить в категорию “частных споров”, т.к. жалобы здесь похожие - заявители почти всегда не согласны с трактовкой фактов или законодательства - и подход Суда к рассмотрению таких жалоб, соответственно, тоже похожий.

Есть еще несколько типичных жалоб, которые можно объединить в небольшие группы: например, жалобы на потерю вкладов в Сбербанке (4 жалобы), жалобы в связи с налоговыми спорами (4), жалобы на изъятие водительских прав и прочие санкции за нарушение ПДД (5).

Диаграмма 3: основные типы жалоб

Т.о. большинство комитетских дел (209 из 250) касается либо уголовной процедуры, либо имущественных споров между частными лицами и споров о различных социальных пособиях и льготах. Если посмотреть на текст Конвенции, становится ясно, что комитетские дела, таким образом, в основном сконцентрированы вокруг статей 6 и 1 Протокола № 1. Что же с остальными положениями Конвенции?

Они “всплывают” в комитетских делах достаточно редко.

Так, я насчитал только шесть дел, в которых можно было говорить о вмешательстве в права заявителя по статье 8 (право на уважение частной и семейной жизни и тайны переписки), 9 (свобода религии), 10 (свобода слова) или 11 (свобода собраний и объединений). Только в трех жалобах (если не принимать во внимание налоговые споры) имело место прямое вмешательство государства в право собственности заявителя путем ее изъятия, ограничения прав и т.п. Остальные жалобы (их около дюжины) трудно отнести к числу “типичных” комитетских дел, поэтому я не буду останавливаться на поднимаемых там проблемах.

Обобщая полученные данные, замечу следующее. Две основные темы российских жалоб - уголовный процесс и споры об имущественных правах. Заявители почти не жалуются на нарушения гражданских свобод. Более того, имущественные споры, с которыми они приходят в Страсбург, чаще всего не касаются прямого вмешательства в чье-то право собственности со стороны государства. Это либо частные споры, либо споры о социальных благах (пособия, пенсии, жилище и т.п.), которые государство, по мнению заявителя, должно было ему предоставить.

Основания неприемлемости

Если брать решения Суда, сообщаемые заявителю, то статистика следующая. Из 250 я насчитал 121 дело, отклоненное в связи с пропуском 6-месячного срока. В таких делах, как правило, срок бывает пропущен под двум причинам. Во-первых, это связано с неинформированностью заявителя о требованиях статьи 35 Конвенции - заявители вообще не знают, что существует какой-то срок. Во-вторых (и это одна из главных причин) многие заявители знают об этом правиле, но не знают практики его применения в отношении России. Европейский Суд пока не рассматривает надзор (кроме надзора в арбитражном процессе) как средство защиты, которое нужно пройти перед подачей дела в Страсбург. Заявители же ждут результатов надзорного рассмотрения, и пропускают 6-ти месячный срок с момента рассмотрения дела кассацией.

Идем далее. Всего три дела было отклонено Судом со ссылкой на неисчерпание (неиспользование) средств защиты. Это не означает, что в остальных делах все средства защиты были пройдены правильно - об этом см. ниже. Неисчерпание, быть может, одно из самых распространенных оснований для неприемлемости, однако оно чаще встречается “в сочетании” с другими основаниями неприемлемости.

Еще три дела выпадали из материальной компетенции Суда, и два были вычеркнуты из списка дел по разным причинам.

В остальных делах (119 дел, почти половина) официальное решение Суда говорило о “явной необоснованности жалобы”. Что значат эти слова? Как я уже упоминал во введении, в письмах Суда заявителям содержится лишь самая общая формулировка того, почему жалоба была признана неприемлемой. Иногда ее бывает достаточно (например, если основание неприемлемости - неисчерпание средств защиты или пропуск 6-месячного срока для подачи жалобы). Иногда же текст письма слишком короток, чтобы объяснить те причины, по которым жалоба была отклонена.

Приведу пример. Жалобы по статье 6 часто отклоняются со ссылкой на их “явную необоснованность”. Однако за этой общей формулировкой может скрываться очень многое. Например, заявитель жалуется на отсутствие адвоката в уголовном процессе, но из документов явно следует, что он сам на суде отказался от адвоката и пожелал защищать себя сам. Или же заявитель нанял адвоката, но тот по неуважительной причине пропустил одно из судебных заседаний, и заявитель не попросил об отложении слушания. Ситуации разные, но в обоих случаях заявитель получит короткое решение, в котором будет лишь ссылка на “явную необоснованность” его жалобы.

Под “явной необоснованностью” может также пониматься и **комбинация** различных оснований неприемлемости. Так, в очень многих делах заявитель жалуется сразу по нескольким статьям Конвенции, и/или по нескольким основаниям. Одна жалоба может быть неприемлема в связи с пропуском 6-месячного срока, другая - потому что заявитель не поднял ее в кассации, третья выпадает из материальной компетенции Суда, и т.д. Каждый аспект такой жалобы отражается отдельно во внутренней “ноте” (докладе) Суда, и на него дается ответ. Однако в письме заявителю оставалась лишь общая формулировка о явной необоснованности жалобы, без деталей.

Наибольший для меня интерес представляют “явно необоснованные жалобы” *stricto sensu*. Напомню, что мы выделили две большие группы жалоб: на несправедливое рассмотрение гражданского дела и на несправедливый приговор. Почему же эти жалобы признаются неприемлемыми, если они поданы в срок, и заявители воспользовались внутренними средствами защиты, как того требует статья 35 Конвенции? Иначе говоря, каковы самые распространенные основания для признания российских дел неприемлемыми **по существу**?

(А) Гражданские споры

Рассматривая этот вопрос, я вынужден буду не согласиться с некоторыми утверждениями доклада ЦПТ. Если многие его выводы в целом созвучны моему ощущению от работы с российскими жалобами, то правовой анализ требует уточнения.

Так, обсуждая тематику “палатных” жалоб, доклад указывает на то, что типичными жалобами являются т. н. «пенсионные» дела. Далее в докладе написано: “Здесь важную роль играет проблема неправильного исчисления коэффициента пенсий, что имеет для истцов не только материальное, но и большое моральное значение ...”. В таких же выражениях описываются и дела о детских пособиях, и “чернобыльские дела”, нередко со ссылками на мнения самих заявителей.

Из доклада можно заключить, что Европейский Суд поддерживает заявителей в их спорах с государством по поводу того, как рассчитывается пенсия, что говорит тот или иной закон, устанавливающий какую-либо льготу или пособие. Однако это не так. Подавляющее число жалоб, сформулированных таким образом, отклоняются Судом. Те палатные дела, о которых, по-видимому, идет речь в докладе, касаются двух-трех очень узких проблем, в основном неисполнения уже вынесенных в пользу заявителей судебных решений, их произвольного пересмотра в надзоре, и нескольких других. Однако большинство “пенсионных” дел не содержат таких элементов.

Это не значит, что любое “пенсионное” дело обречено на неуспех в Европейском Суде. Однако на практике подавляющее большинство этих дел все же отклоняются на первоначальном этапе. В таких жалобах чаще всего ставится вопрос о пересмотре **фактов** дела, или о неправильном, по мнению заявителя, применении **национального права**. Юристы, работающие с Европейским Судом, знают, что такие жалобы имеют мало шансов на успех, в силу ограничений, которые накладывает на работу Суда его субсидиарная роль. Европейский Суд - не кассационная и тем более не апелляционная инстанция, он действует в очень узких рамках и, как правило, не подвергает сомнению интерпретацию фактов дела и внутреннего права. Я бы сказал, что именно это непонимание субсидиарной роли Европейского Суда вызывает к жизни такое огромное количество жалоб и, соответственно, отказных решений.

Имущественные споры зачастую связаны с реализацией прав, в Конвенции не закрепленных, особенно социально-экономического характера. Например, права на жилье. Конвенция гарантирует неприкосновенность жилища, но не гарантирует, что государство должно предоставить жилье лучшего качества или большего размера тем, кто в нем нуждается. Конвенция также не гарантирует трудовых прав (заработок, рабочее время, основания увольнения и т. п.).

(Б) СПОРЫ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Я не буду подробно останавливаться на вопросе, почему же большинство жалоб на уголовное преследование признается неприемлемыми. В противном случае мне пришлось бы написать целый труд под заглавием “Типичные ошибки российских подсудимых”. Отмечу лишь одно - двумя главными причинами являются, во-первых, непонимание принципа субсидиарности, о котором мы упоминали выше, и, во-вторых, поведение защиты во внутреннем процессе.

Что касается субсидиарности, подавляющее большинство осужденных стараются использовать Суд именно как еще одну национальную инстанцию, которая пересмотрит дело по-новому и докажет их невиновность, истинную или мнимую. Заявители не понимают, что Суд интересуется очень ограниченный круг вопросов, связанных с **процедурой** рассмотрения дел, а не сама суть дела и интерпретация доказательств, собранных следствием и защитой, а также толкование внутреннего права.

Тем не менее, во многих делах заявители ссылаются на правильные основания - например, на отсутствие адвоката, неознакомление с материалами дела, невызов свидетелей и т.п. - то есть те основания, по которым процесс может быть признан несправедливым с точки зрения Конвенции. Что же делает такие жалобы неприемлемыми? Надо признать, что огромное количество обвиняемых не используют правовые средства защиты на первоначальных этапах - по незнанию ли, или из-за недоверия к правовым механизмам вообще. Отказ от адвоката, неумение четко сформулировать свою позицию, дойти до конца цепочки "исчерпания" средств защиты - все это лишает заявителей возможности представить свое дело наилучшим образом. И это верно не только в отношении жалоб по статье 6: сколько жалоб на пытки, например, было отклонено из-за того, что заявитель не пожаловался при медосмотре на побои, не написал жалобу прокурору, не сохранил копий медицинских справок и своих обращений, и т.п.

Заключение

В целом, работа с комитетскими делами из России оставляет грустное впечатление. Во-первых, обращает на себя внимание специфическая правовая культура наших сограждан. Я даже говорю не о правовой информированности, а об отсутствии рефлекса обратиться к юристу, если возникла правовая проблема. Думаю, такое же впечатление должно создаваться и у российских судей: доскупность нашего судопроизводства имеет обратную сторону, поощряет сутяжничество, плохо подготовленные дела, бестолковые иски, и т.д.

Во-вторых, по письмам заявителей нельзя не заметить, как не доверяют они российской правовой системе, и как переоценивают возможности Суда. Это проскальзывает и в комментариях заявителей, приведенных в докладе ЦМТ: Суд видится ими как *deus ex machina*, как последняя надежда на справедливость в этом несправедливом мире. Заявители забывают, что Суд в значительной степени зависит от национальной правовой системы: он не работает с делами "с чистого листа", а, наоборот, использует тот материал, который произвела эта система. Соответственно, при всей его независимости, Суд оперирует в жестких рамках, ограничивающих его возможности по восстановлению справедливости.

В-третьих, становится видно, что чаще всего заботы и беды нашего населения - не те, ради решения которых создавался Европейский Суд. В Европейской Конвенции закреплены в основном права так называемого “первого поколения” - личные и гражданские свободы. Российское же общество остается очень “патерналистским”. Среднего гражданина больше всего интересует то, как государство выполняет свои социально-экономические обязательства, а не свобода слова или тайна переписки. Образно говоря, патерналистские гастрономические предпочтения наших заявителей очень мало соответствуют тому либеральному меню, которое предлагает Суд.

Складывается парадоксальная картина. Российские граждане в массовом порядке пишут в Суд, и при этом не отдают себе отчет в том, что, чаще всего, Суд помочь в решении их проблем не сможет. Суд, с другой стороны, тратит огромные ресурсы на то, чтобы обрабатывать этот поток жалоб, большинство из которых заранее обречены на неудачу. Недаром говорят, что Суд теперь стал “заложником своего успеха”. Может быть, было бы полезнее, чтобы Суд стал менее популярен, и смог тогда сосредоточиться на решении тех вопросов, для которых он был создан.

Однако данная ситуация будет сохраняться до тех пор, пока будет сохраняться в неизменном виде право индивидуальной петиции, не ограниченное практически ничем - ни, например, пошлиной, ни требованием обязательного юридического представительства. 14-й протокол к Конвенции (который Россия подписала, но не ратифицировала) мог бы стать первым шагом на пути ограничения права индивидуальной петиции, вводя новый критерий неприемлемости “отсутствие значительного ущерба заявителю”, но даже эта мера представляется мне недостаточной. Что же касается веры наших граждан в Европейский Суд, она будет крепка до тех пор, пока будет сохраняться неверие в правовые механизмы внутри страны.